

И детали, и атмосфера, а главное – тоска и го-
чь, которые бились через край этого математически
сметливого, музыкально выверенного, непривычно
раннего зрелища.
Необжитое, холодное помещение, уныло пластиковые
сены, казенные столы и стулья, стоящие в ряд, лампы
эвонного света, остановленные часы. Одиннадцать чело-
век входили строем, садились как по команде, разносили
у, через определенные промежутки времени вставали
новью строем шли мыть руки. Никто не командовал, ни-
кто не следил за порядком, все делали сами, по привыч-
ке. Нехитрый ритуал повторялся несколько раз, актеры
полняли его сосредоточенно и заворуженно. Спекль
захватывал, как омут – с головой и навсегда.
Иногда они начинали петь. Пели самое разное: от ро-
мантических арий немецких композиторов до социалис-
тических гимнов. Когда не пели, ссорились или философ-
ствовали. Принимали позу, набирали полную грудь пафо-
делали соответствующее лицо и – говорили редкост-
но чужь. Остатки немецкой романтической философии
глядели примерно так: "У собаки есть хвост и она им
цует. У человека нет хвоста, поэтому он не машет".
То эти люди без имен и биографий? Просто немцы, по-
кденная нация. Восточные немцы, победенные
ойне. Люди, у которых ничего нет. Ни прошлого, ни ро-
ды, ни памяти – все уничтожено и за все стыдно.
Зачем я все это вновь рассказываю? Ответить просто:

Ощущение: Остатки немецкой романтической философии
глядели примерно так: "У собаки есть хвост и она им
цует. У человека нет хвоста, поэтому он не машет".
То эти люди без имен и биографий? Просто немцы, по-
кденная нация. Восточные немцы, победенные
ойне. Люди, у которых ничего нет. Ни прошлого, ни ро-
ды, ни памяти – все уничтожено и за все стыдно.
Зачем я все это вновь рассказываю? Ответить просто:
могу удержаться. А кроме того, именно эти люди сыг-
ли "Три сестры".
Марталера ждали, и ждали скандала, шумной реак-
ции, наподобие той, что случилась на прошлом Чехов-
м фестивале после "Трех сестер" Някрошюса. Кое-что
было известно заранее, например, в спектакле нет воен-
ки. И что-то странное происходит со временем. И три се-
стры, скажем мягко, не слышимо молоды. Видевшие спекль
таинственно улыбались, потирали руки и на все во-
просы отвечали небрежным кивком: мол, сами все скоро
догадаете. На пресс-конференции директор Гетевского ин-
ститута сказал, что вполне понимает: привезти в Россию
спекль "Три сестры" – вызов всем нашим традициям и ду-
ховным пристрастиям одновременно. Да еще ровно че-
тыре десятилетия после незабываемых завоеваний Петера
Яйны на том же чеховском фронте.
Стайн, легко догадаться, звучал недаром. Тут разница
принципиальная, никого из героев, впрочем, не умаляю-
щая. Марталер не скрывает, что не любит сценическую
жизнь в формах самой жизни, он решительно отказыва-
ется имитировать реальность, прибегая при этом к самым
нообразным и даже крайним способам выражения
его художественного протеста. Чириканье и клевет
ц, шуршание сверчка, распустившиеся весенние вет-
расветы и закаты, здоровый запах навоза, донося-
щийся со сцены, – это не для него. По той же причине он от-
казался от всего специфически русского, не поехал в
Россию знакомиться с натурой, вдыхать атмосферу, по-
пытаться тайну национального характера, пить водку и
петь "Шумел камыш, деревья гнулись". Трезво
знав бесплодность всех этих искренних усилий любви,
Марталер утверждает, что ставил "Три сестры" в "Фольк-
театре" не о русских – о восточных немцах. В Цюрихе он
увидел бы их о швейцарцах, в Париже о французах. И это
были бы разные спектакли.
Интересно, что Марталер совсем не скандалист, не
провокационер, и на теоретика-революционера (пусть даже
было театральное) он тоже не похож. Он прежде всего
музыкант (первоначальное образование), знающий че-
каждому звуку, и созерцатель. Рассказывают, что он
может ходить на вокзалы и может часами рассматривать
ид и вперед снующую публику. Еще лет двадцать назад
он устраивал вот такие забавные музыкальные
спекль в зале ожидания – люди сидели за столиками,
Марталер пел первую песню, а потом минут десять дер-
жал паузу, ничего не происходило. Оказывается, в это
время можно увидеть много интересного: чьи-то руки
вновь теребят полы пиджака, кто-то судорожно хвата-
ется за рюмку, поправляет прическу, держится за пугови-
цу. Мне кажется, его только занимает тема человеческо-
единичности. Где только может, он выискивает людей

потерянных, уставших, не попадающих в такт, бесконеч-
но долго наблюдает за ними, запоминает, а потом выво-
дит на подмостки.
В "Трех сестрах" нет не только берез и еловой аллеи,
но и гостиной с колоннами. Не то третьеразрядный гости-
ничный холл, не то вокзал – скользкий линолеумный пол
в шашечку, музыкальный автомат, цветы в кадках, на
стене висит расписание поездов. К нему иногда подходит
Маша и долго смотрит куда-то в одну точку. Но, может
быть, это все-таки дом, жилище, только очень запущен-
ное. Бестолковые стелльные шкафы, зачем-то заклеенные
газетами (как будто собрались делать ремонт и передумали),
разнородные жесткие стулья и обеденный стол,
нелепо стоящий внизу, в оркестровой яме. Тут не живут,
избывают волоком тянущуюся жизнь. Главный предмет
интерьера – нескончаемая лестница в несколько этажей
(сценограф Анна Фиброк). Постоянно кто-то спускается –
Ольга, Маша, Ирина, Чебутыкин, Тузенбах, Наташа –
идут, идут с изнуряющей настойчивостью, вновь и вновь,
и нет конца этому повторяющемуся медленному движе-
нию. Из года в год, изо дня в день, из минуты в минуту –
одно и то же, сверху вниз, захватанные перила, стоптан-
ные каблучки, замужество, гимназия, телеграф. Проходит
жизнь.
Чеховские герои, замечено всеми, любят рассуждать о
том, что будет через двести, триста, тысячу лет (занятно,
что такой вполне обозримый срок, как десять или даже
двадцать лет, их не интересуют, туда заглянуть страшат-
ся, не решаются). Марталер задумался над этой милой,
привычной нам странностью, и догадался – у них нет на-
стоящего. Они выпали из гнезда, если говорить языком
современной литературы, от Чехова, кстати, оттолкнув-
шейся. Время как будто остановилось для них, зависло,
как сломавшийся компьютер, где на черном экране дер-
гаются и мигают зеленые буквы, загадочные и бесполез-
ные: press <del>, press <del>.
Чтобы не слишком уминать на эту тему, расскажу луч-
ше историю, поведенную самим Марталером. Однажды в
Лиссабоне он поселился в гостиницу, очень дорогую, но
страшно запущенную, и услышал, как кто-то играл Шопе-
на на раздолбанном, фальшиво звучащем пианино, толь-
ко играл очень медленно, гораздо медленнее, чем это по-
ложено. Услышал и почему-то сразу подумал о "Трех се-
страх". И вот теперь у него в спектакле стоит пианино, с
которым в Германии каждый раз нужно делать что-то та-
кое специальное, чтобы оно звучало фальшиво, но у нас
проблем не было: давно расстроено. И Клеменс Зинкнехт
играет Шопена, – невыносимо медленно и неточно. Ну кто
после этого скажет, что Марталер не реалист? Ничего из
головы, все из жизни.
Медленно – принципиальное слово для спектакля Мар-
талера. Здесь никто не торопится, может быть, потому,
что некуда. Говорят тихо, почти без выражения. Иногда
вдруг визгливо вскрикивают, делают резкие танцеваль-
ные па, как будто силится что-то вспомнить, и снова впа-
дают в спячку. Никакой другой жизни вне этого простран-
ства нет и быть не может. Кажется, что люди уходят в ни-
куда и из воздуха появляются. Некоторые вполне обыч-
ные слова звучат совершенно дико, фантомно: Протопо-
пов, земская управа. Кто такой Протопопов, что такое
земская управа – неизвестно. Или вот Ольга. Однажды
ушла с нянькой на казенную квартиру (какую квартиру?
откуда? где?), и, пожалуйста, – вышла к нам старая Ан-
фиса, затянута в переливающееся платье с люреком,
напевающая игриво и самодовольно "Жизнь в розовом
свете".
Несмотря на постоянно звучащую музыку, в спектакле
совсем нет привычного чеховского лиризма и поэтично-
сти. Боюсь, что, услышав о "жизни человеческого духа",
Марталер скорчит гримасу, но, спохватившись, просто
вежливо пожмет плечами. Жизнь, нам показанная, не-
красива, невозвышенна, неряшлива и скучна. Конечно,
чеховеды могут обидеться, как это было уже в случае с
Някрошюсом. Однако вот что интересно. Марталер вычи-
тывает у Чехова и даже выносит в своеобразный эпиграф
слова, которые я, пожалуй, приведу почти целиком, что-
бы все было ясно.
Высокий, седой, одышливый и тучный старик медлен-

но, по складам читает из книжки: "Да. Забудут. Такова уж
судьба наша, ничего не поделаешь. То, что кажется нам
серьезным, значительным, очень важным, – придет вре-
мя, – будет забыто или будет казаться неважным. И инте-
ресно, мы теперь совсем не можем знать, что, собственно,
будет считаться высоким, важным и что жалким,
смешным... Может статься, что наша теперешняя жизнь,
с которой мы так миримся, будет со временем казаться
странной, неудобной, неумной (далее по тексту).
Быть может, даже грешной". Может статься, – прозорливо
и печально думал Вершинин, – и вот, она и вправду ка-
жется: странной, неудобной, неумной (далее по тексту).
Не удивительно ли, однако, что это рассуждение об отно-
сительности всего сущего написано задолго до открытий
Альберта Эйнштейна? Мы привыкли повторять: "Чехов –
гений, Чехов – гений". А он и вправду, оказывается, – ге-
ний.

Но продолжим. Этот старик, впоследствии оказавшийся
Ферапонтом, с книгой (надо думать, сочинения писате-
ля Антона Чехова) не расстается, несколько раз в тече-
ние всего спектакля продолжает читать. Еще заметно
было, что почти все монологи о труде, о будущем произ-
носятся так, словно их выучили наизусть по той же книге,
умной и прекрасной, и теперь торопятся доложить. А мо-
жет, это о них и написана книга, об их жизни, однажды
уже прожитой и начатой сначала?

Давно пора сказать о возрасте наших героев. Почти все
старше чеховских лет на пятнадцать, во всяком случае,
так выглядят. Морковно-рыжая, дурно постриженная Ма-
ша, высохшая Карменсита с длинными красными бусами
поверх коричневого платья. Расплывшаяся Ольга с рас-
пухшими от долгого стояния у школьной доски ногами, и
короткой зловонной золотой юбкой и туфельками подер-
жанными кожзаменителем. Ирина, как и положено, моложе, но и
4-м, собравшись замуж и на кирпичный завод, она
надела деловой синий костюм, парик и постарела сразу
на десять лет. Помните у Чехова: подурнела, постарела,
– говорит о себе Ирина. Так и оказалось.

Все это дает довольно сильный и совершенно не ожи-
данный эффект. Знакомый, выученный наизусть от час-
того употребления, чеховский текст звучит по-новому и
как-то даже пронзительно в самых неподходящих для
этого местах. Приходит Вершинин и, здороваясь с сестра-
ми, говорит: "Какие вы стали! Ай! Ай!". Вершинин явился
в белом костюме – мечта Остапа Бендера, седой, с про-
плешиной, сутулый, герой-любовник на пенсии. И смеш-
но, и жалко, и сердце щемит, не поймешь отчего. Его с
Машей прощальной поцелуй, внезапный, нелепый и бес-
смысленно страстный – может быть, самый драматичес-
кий момент спектакля Марталера. Когда Тузенбах, не-
складный переросток в коротковатых брюках и тесном пи-
джаке, дико размахивая руками, наскакивает на Ирину с
любобным объяснением: "сколько лет нам осталось впе-
реди, длинный, длинный ряд дней, полных моей любви к
вам", – стоит только вообразить длину этого ровного ря-
да, и станет жутко.

Вершинин по забывчивости, которая ведь часто случает-
ся с пожилыми людьми, представлялся и здоровался с
сестрами несколько раз: "Александр Игнатьич", "Алек-
сандр Игнатьич". Они в ответ протягивали ладошки, де-
лали книксен, а потом и вовсе – стали рядком и запели,
тоненькими, старательными голосами французскую пе-
сенку, тщательно следя за правильностью произноше-
ния. Как послушные барышни, которых папа-генерал угне-
тател воспитанием. Эту же песню они запоют в финале
вместо знаменитого монолога про то, что надо жить.

Описывать спектакль можно бесконечно. В нем немис-
лимое количество деталей, знаков и шифров, которые и
составляют в конце концов целое. Марталер строит его,
как музыкальную партитуру, в которой важно все – чей-
то кажущийся случайным жест, стук каблучков по метал-
лической лестнице, звук падающего предмета, внезапно
прозвучавшее слово. Все выверено, как часы. И работа-
ет, как часы, – надежно и точно. Конечно, нам, воспитан-
ным в традициях русской психологической школы, хоте-
лось бы, чтобы все шло не в такт, куда-то летело или да-
же взрывалось. Но ведь давно известно: что русскому хо-
рошо, то немцу смерть.

Боюсь, что должна наконец признаться. Смотреть эти
"Три сестры" было очень интересно. И очень скучно. Как
это совмещается, я не знаю, но это так. И в чем тут сек-
рет, не знаю. Может быть, эксперимент с остановленным
временем был слишком рискованным? Или пьеса Чехова
больше по объему, чем нужно для этого эксперимента?
Или просто далеко не все способны вслед за Мартале-
ром, умерить лихорадочное биеение своего пульса, подго-
няющего вскочить и куда-то немедленно бежать, и сде-
латься тихим, молчаливым созерцателем. Мы хорошо
умеем хватать все на лету, а потом, торопливо дожевыва-
вая, говорить: "Ну здесь уже давно все ясно". В спектак-
ле Марталера многое казалось ясным, часа через два по
крайней мере, но он шел все четыре.

Еще одно признание, и со всеми этими неясностями по-
ра заканчивать. Прошло уже несколько дней после спек-
такля, но о нем хочется думать, он не улетучивается из
головы – моментально и навсегда, как большинство ви-
денных. О нем все время хочется рассказывать. Идешь
по улице, встречаешь знакомого, хватаешь за пуговицу и
начинаешь все сначала, с "Убей европейца...". И далее по
кругу.

Для весомости финальной точки добавлю только, что
буквально на днях в Италии Кристофу Марталеру будут
вручать очень престижную европейскую премию за "но-
вые театральные реальности".

- Сцена из спектакля "Кабаре мисс Найф"
- Сцена из спектакля "Три сестры"